

Анжела Конн
Греческая рапсодия

РОМАН

Анжела Конн

Греческая рапсодия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17690391
ISBN 9785447455194

Аннотация

Из рассыпавшегося на осколки Советского Союза люди уезжали по разным причинам. Одни искали свободу, другие – сытную жизнь, третьи воплощали вековую мечту предков – жить на исторической родине...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	35
Глава пятая	46
Глава шестая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Греческая рапсодия

Роман

Анжела Конн

*«Все мы греки. Наши законы, наша
литература, наша религия, наше искусство —
всё имеет свои корни в Греции».*

Шелли

© Анжела Конн, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

– Стой, стой, Дея... Остановись... Та, которая звалась Де-ей, бежала среди цветов и кустов, не разбирая дороги.

Минуту назад из распахнувшейся двери клиники метнулась тень, бросилась в чащу тенистого парка. Спустя минуту из той же двери выскочила другая тень, гораздо больше первой. Мужчина пытался догнать женщину. Ему это удалось на аллее, змейкой выющейся между деревьями. Он нагнал её, схватил за руку, резко развернул к себе.

– Стой, я тебе сказал. Что ты делаешь? Не губи себя! Мы же взрослые люди... Она пыталась вырваться. Он схватил женщину за плечи и притянул к себе.

– Отпусти, не хочу ничего, всё кончено... Диагноз – яснее ясного. Оставь меня в покое...

– Подожди, не кипятись, ведь ничего страшного не сказали... Ты же сама знаешь, как это бывает... успокойся, давай поговорим...

Медея негодовала. Ярость перекосила лицо. Ненависть ко всему окружающему переполняла её хрупкое существо. Ни-

когда, никого, ни за что она не ненавидела. Но сейчас такая злость охватила ещё довольно молодую привлекательную женщину, что выбежала она из больницы не дожидаясь Яниса. Бежала куда глаза глядят, подальше от клиники. Мужчина, несмотря на подавленность, старался держать себя в руках.

Не отпуская руку Медеи, он подвёл её к скамейке под платаном. Сердце её колотилось как бешеное. Несколько секунд они сидели молча, глядя друг на друга, словно виделись впервые. Слов не было. Он внимательно разглядывал тонкую кисть жены, постепенно перемещая взгляд вверх, скользя от предплечья к плечу, к шейке. Изящная, лёгкая, как в первые годы совместной жизни. Ни прожитые годы, ни роды не испортили стройной фигурки. Взгляд остановился на лице... Оно пылало, глаза метали искры. Янис не узнавал жену. Обычно мягкая, податливая, без всяких женских капризов сейчас она пугала его. Правда, ситуация была отвратительной, но такая реакция... — злость, ярость, ненависть — он не ожидал. Всё что угодно, но не так.

У него тоже был шок, когда врач произнёс эти проклятые слова, но что делать... Надо что-то делать. Ни злоба, ни крики и стоны, а тем более проклятия не помогут. Он привлёк к себе жену, обнял её, чувствуя на своем лице родное дыхание, еле сдержался, чтобы не расплакаться.

– Только этого не хватало, – незаметно смахнул всё-таки предательски выкатившуюся слезу, подсознанием отмечая свою неправильную реакцию, а впрочем, – кто может определить, какой должна быть реакция в их случае. Янис обнял двумя ладонями её щёчки, вмиг утратившие энергию. Как любит он это лицо: немного бледное, немного печальное с огромными серыми глазами, поразившими в самый первый раз их встречи и продолжающими поражать до сих пор, спустя почти двадцать лет. Она подняла на него глаза. Что-то изменилось в них с прикосновением его рук; злость отступила: смятение, растерянность сквозь слёзы. Янис поцеловал жену, прошептав: «Не бойся, мы поборемся.» В ответ она разрыдалась, не сдерживая плача, – слёзы залили красивое лицо. Чем больше она плакала, тем меньше у него оставалось уверенности в том, что сможет успокоить её. Да и нужно ли? Пусть выплачется. Судорожно дыша и глотая слёзы, она с горечью, чуть ли не по слогам произнесла: «Сколько можно бо-ро-т-ь-ся?» Уже двадцать лет они вместе и всё борются.

Началом их романтической истории послужила пунцовая роза. Конец мягко тающей осени. Медея медленно шла по набережной Куры, любуясь осенними деревьями – в этот период времени они непередаваемо красивы. Мтацминда с трамвайчиками, снующими с горы вверх-вниз, и с вагончиками, словно застрявшими в облаках под флёром лёгкого

тумана, парили в воздухе над городом. Она вышла из поликлиники, где работала детским врачом. Приятно пройтись после напряженного рабочего дня. С больными детьми сама болеваешь...

Смена подходила к концу, она уже расстёгивала пуговицы халата, когда дверь распахнулась и молодая мама с криком «помогите» отцепила от себя заплаканного и испуганного больше от крика матери, чем от чего-либо ещё малыша, и, уложив его на кушетку, показала врачу и медсестре ушибы в области лба, полученные ребёнком от падения с подоконника. К счастью, обошлось без переломов. Медея успокоила женщину, тщательно осмотрела мальчика и, положив пакет со льдом на ушибы на двадцать минут, обязательных при первой помощи, рассказала маме что делать, чтобы не пропустить признаки возможного сотрясения мозга.

После она шла по набережной, унося тревожный взгляд чёрных глаз совсем ещё девочки, державшей ручки сына в ладонях и повторяющей один и тот же вопрос: «Всё будет хорошо? Доктор, всё будет хорошо?»

С такими историями, а иногда похуже, она сталкивалась ежедневно, и каждый раз внутренне вздрагивала при виде слёз, не смирясь и не допуская мысли, что когда-нибудь сможет привыкнуть к боли, через которую проходят мать

и ребёнка.

У моста Бараташвили она столкнулась с молодым человеком, с трудом удерживающим охапку дивных пунцовых роз. Он куда-то спешил. Взгляды скрестились. Неожиданно дерзкая мысль изумила её: «Будет моим мужем»... А он, как нечто само собой разумеющееся, остановился и со словами «Ни за что не смогу пройти мимо, не одарив розой, похожей на Вас», стал вытягивать самый красивый цветок из середины букета. Медея, находясь под воздействием не столько его интереса к ней, сколько от странной, промелькнувшей в ней мысли, с любопытством изучала его. Стройный, спортивно подтянутый, с голосом сразу задевшим потаённые струнки не испытавшего ещё любви сердца, он, улыбнувшись широко, протянул едва распустившийся бутон и, обдав её ароматом роз, продолжил путь, разбередив в ней женскую суть. Придя в себя, крикнула вслед: – «Остерегайтесь, красивых девушек много, не донесёте по назначению». – Он беспечно махнул рукой и исчез.

Мимолётная встреча, молниеносный взгляд и пунцовая роза долго не забывались. И когда однажды, совершенно случайно они встретились у общих друзей на вечеринке, она не удивилась. Им двоим было что вспомнить...

Янис, как и Медея, был врачом. Принадлежность обоих

к медицине сблизила их. Кроме того выяснилось, что они оба из одной этнической группы, проживающей в Грузии – греческой. Каждый раз они с удивлением находили много общих знакомых и даже дальних родственников. Эти факты не впечатлили родителей Медеи, когда она представила молодого человека отцу и матери, и позже сообщила о том, что, если и выйдет замуж, то только за Яниса. Родители воспротивились, особенно отец.

Он – видная фигура в городе, занимал важный пост во властных структурах республики. Будучи человеком императивных действий, и мысли не мог допустить, что старшая дочь может послушаться его. Его ладная фигура в форме тёмно-синего цвета с блестящими нашивками и звёздочками внушала уважение и трепет не только в не знакомых с ним людях, но и вызывала особую почтительность в хорошо знающих его. Однако, несмотря на внешнюю неприступность, он мог долго смеяться от удачной шутки или забавного анекдота, рассказанной друзьями, и сам, нередко рассказывая домочадцам и знакомым смешное, радовался от души, словно ребёнок, заливаясь смехом от незатейливых историй. Дочь знала, что наряду с крутостью он обладал и отходчивостью нрава.

Сегодня не идти на работу... воскресенье... Вечером встреча с Яном. Жизнь распорядилась удивительным обра-

зом. Ведь она могла остаться в Ленинграде, где училась в медицинском, и город ей нравился, и друзей было предостаточно, и работу ей предлагали, но нет, тянуло в Тбилиси. Словно чувствовала, что ждут. Женская интуиция... Она потянулась в постели, взглянув на часы, рассмеялась. Счастливые люди могут позволить себе спать до полудня... Ох, к а к о й день чудесный!

Ей предстоял визит в кабинет отца, расположенный вдалеке от остальных комнат по длинному коридору их квартиры. Она заходила туда исключительно по важным делам. Вчера вечером он попросил дочь зайти, и назначил время. Обыкновенно такие просьбы сводились к переводу каких-то документов, что без помощи Медеи у него не ладилось.

Когда спустя пару часов она переступила порог кабинета, первое, что бросилось ей в глаза – лысина, блестящая нездорово-жёлтым островком на голове незнакомого человека. Он сидел спиной к двери, перед ним через стол расположился Дмитрий Иванович. Они о чем-то оживленно говорили. Незнакомец обернулся. Медея пересекла комнату, подошла; он вскочил, произнес своё имя. Без причины возникла неприязнь и кольнула её, но вида не подала, вежливо улыбнулась. Пробыв минут пятнадцать с ними, она со вздохом облегчения покинула кабинет, не уловив, зачем отец вызвал её и познакомил со своим сослуживцем.

Всё прояснилось через час, когда гость ушел. Во время обеда отец прямо сказал, что молодой человек приходил познакомиться с Медеей, так как имеет виды на неё. Удивившись, девушка уставилась на отца...

– Па, какой молодой человек, он лет на пятнадцать, если не больше, старше меня.

– Ничего страшного, если нравится – годы не помеха, – ответил он и обратился к жене, – а ты, как смотришь на это?

– Никак, Дея должна смотреть, ей жить...

– Мама, с кем жить? Устроили смотрины с каким-то... плешивым, – голос задрожал, завибрировал, поднялся... Вы же знаете, я встречаюсь с Янисом, он мне нравится... К чёму этот спектакль!

– Кто такой Янис? – строгий голос отца резал слух, – неудачливый стоматолог... Ты молодая, многого не понимаешь, этот человек обеспечен, со связями... он не успел договорить, Медея вскочила со стула и со словами – никогда этого не будет, – вылетела из кухни.

– Я говорила тебе, – с глубоким вздохом произнесла Жан-

на, – она и слышать не хочет ни о ком, кроме Яниса.

– И всю жизнь будет страдать...

– Ну, что ж, значит судьба.

– Так судьбу надо делать, а не идти на поводу случайной встречи.

– Мы тоже случайно встретились, – возразила жена.

Она редко перечила мужу, зная его суровый нрав. Но сейчас случай был другой, он не касался её личных или домашних проблем. Здесь жизнь дочери. Поэтому она продолжила: «Может, их встреча не была случайной, – и машинально убирая со стола посуду добавила, – может, это и есть её судьба».

Дмитрий Иванович вопросительно взглянул на жену. По его глубокому убеждению, Константин лучший претендент на роль будущего супруга для его дочери. Их связывала служба, за годы совместной работы он знал о своем сотруднике всё. Такая у них специфика. Другого на месте предполагаемого зятя он не представлял. Познакомив их в своем кабинете, надеялся на взаимный интерес, однако ошибся, поняв, что наибольший интерес к лелеемой надежде на их союз проявляет сам. Озадаченный бунтом дочери, но твёрдо зная,

что не в состоянии причинить ей боль, Дмитрий Иванович в сердцах махнув рукой, мол делайте что хотите, подавленный, вышел из дома.

Медея проплакав почти до вечера, внезапно успокоилась. Она тоже любила родителей и понимала, что не подчинившись требованию отца, бросает ему вызов, чего раньше никогда себе не позволяла, но иначе поступить, а тем более согласиться – значит, предать себя, Яна и их чувства. Овладев собой, приняла решение, привела себя в порядок, нарядилась и, зайдя к матери, сказала: «Мамочка, не сердись, всё будет хорошо, мы с Янисом поженимся, а вы с папой будете довольны нашим браком».

– Дай бог, – Жанна поцеловала дочь, – ты же понимаешь отца?

– Да, да, не волнуйся и папу успокой, вы ещё гордиться будете, – с этими словами Медея упорхнула на свидание с любимым.

Глава вторая

...Торжественный марш всё тише. Сквозь дымку времени, как в замедленном кадре перед Жанной развевается на ветру шлейф свадебного платья дочери... Облако воздушной ткани из шифона и тончайших кружев, окутывая хрупкую фигурку, зрительно приподнимает девушку над землёй, будто готовится унести её на крыльях счастья в невесомую даль, но крепкая рука Яниса, поддерживая локоток суженой, не даёт осуществиться мистическому видению... Поздравления гостей и брызги расплескавшегося шампанского от звонкого соприкосновения бокалов глухим эхом отзываются в её оцепеневшем сознании. Они стоят, молодые, красивые, в предчувствии вечного счастья и блаженства среди близких людей, окруживших их, одаривая всех лучезарной улыбкой. Кажется, впереди их ждёт сплошной праздник...

С того самого момента, как Медею на каталке увезли в операционную, Жанна впала в ступор, ничего не видя и не слыша.

Сидя в больничном коридоре, скрестив руки на груди, смотрит погасшим взглядом в одну точку... Рядом её внучка – девушка учится в институте в Салониках – зять и кое-кто из его родственников. Мальчиков-близнецов, родившихся уже в Греции, оставили дома с няней. Родственники пе-

решёптываются, ожидая завершения операции.

Свадебная церемония сменяется более ранними картинками из жизни Жанны. Как-то муж пригласил её на концерт классической музыки в филармонию. Находясь уже в «интересном» положении, Жанна будучи особой романтической, стремилась к положительным эмоциям. И в тот вечер она их получила. Исполнители сменяли друг друга; на сцену вышла певица с яркой внешностью и исполнила арию Аиды, покори́в Жанну пением. Душевное исполнение, очаровательный тембр голоса под музыку Верди вызвал шквал аплодисментов... В благодарность за настроение и в память о известной певице супружеская чета, не раздумывая, решила назвать свою ещё не родившуюся дочь в её честь. Так и случилось. Через три месяца родилась девочка и получила красивое имя Медея.

Жанна вздохнула: «Как будто было недавно, а столько всего произошло»... Внучка с тревогой и жалостью смотрела на бабушку, ведь ей пришлось преодолеть не только неблизкий путь и бессонную ночь, но и пережить свалившееся на голову известие... Элен прошептала тихо, наклонившись: – «Ба, отвезу тебя домой? – Что ты, что ты, детка, как можно... Я буду здесь до конца». Элен! Сколько дней и ночей она провела сидя у постели девочки, когда та болела в детстве... Зато какая красавица – талия тоненькая, ли-

чико ангельское, побила все рекорды признанных и непризнанных «мисс красоты». Для них... Отец ни на какие курсы не отпустит. Не для того растил он дочь, чтобы улаживать других в их больных фантазиях... Это всё равно, что вырастить цветок и в канун пышного цветения выбросить на помойку.

После свадьбы молодая пара обосновалась в просторном двухэтажном доме, где родился и вырос Янис. Он жил с матерью и двумя братьями, уже женатыми, давшими кричаще-галдящее потомство квартета тонконогих девчонок и мальчишек, скачущих по лестницам, ведущих на второй этаж.» Угломнитесь! Хватит бегать!» – то и дело слышались голоса урезонивающих детвору женщин. Тщетно, окрики не останавливали сорванцов. С утра до вечера, дома и во дворе непрекращающийся детский гомон, смех и нередко горький плач... Медее пришлось привыкать к новой жизни в непривычной для неё обстановке. С её доброжелательным нравом и мягким характером это оказалось проще простого – она быстро свыклась и приняла изменения в жизни без неудовольствия. Главное, рядом любимый...

Семья... Что она таит в себе? полное упоение счастьем или разочарование и грядущие катастрофы? Теоретически она понимала, что семья – это маленькое государство со своей политикой и экономикой, с культурными и духовными

ценностями, с праздниками и традициями, и своим бюджетом. Она вышла из такой семьи. И знала, что, как модель государства, семья не может состоять из одного безоблачного счастья, как и сама жизнь не бывает вечным праздником. Даже в такой камерной семье, как их, где каждый чётко придерживался раз заведённых правил поведения и действий, случались непредвиденные трения, обиды, которые быстро рассеивались благодаря пониманию и любви людей, живущих под одной крышей. В каждой семье свой стиль и своя особая атмосфера, как и в любом государстве, но форма управления, от которой зависит благополучие как семьи, так и государства – от автократии до демократии, – по её глубокому убеждению, обязана способствовать процветанию каждого человека, чьё благополучие оборачивается благополучием семьи или государства. Всё взаимосвязано.

Семья, в которую пришла Медея, оказалась на редкость спаянной теплом и заботой друг о друге. Мать Яниса – Зина, одна растила троих сыновей. Её мужа, известного старому тбилисскому району Сабуртало балагура и шутника, однажды по неосторожности сбили на трассе, когда выходил из машины, чтобы накачать шину. Страданиям Зины не было конца. Вырастить трех пацанов, не имея материальной базы, оказалось непросто. Пришлось работать. Много, не разгибая спины. Хорошо, сосед принял буфетчицей в столовую, которой заведовал. Зарплата не ахти какая, но добрый

сосед разрешал раз в неделю забирать излишки продуктов. Дети не голодали, но и не шиковали. Лишения выработали в них отвращение к бедности. Они её стеснялись и ненавидели. Мечтали когда-нибудь вырваться из унижительного существования. И держались друг друга.

Каким счастьем для Зины стало поступление в институт среднего сына Алекса, а через год и Яниса... Младший уехал в Москву учиться в медицинском, а Алекс остался дома, посещая занятия в политехническом. Студенческие годы пролетели как миг. Теперь оба работают по специальности. Недавно Алекса повысили в должности – он стал главным инженером завода. Только старший Кир остался без образования. Крепыш, с прямой осанкой и таким же прямым взглядом на жизнь, не строил никаких иллюзий; понимал – надо работать, и не просто работать – вкалывать руками, мозгами, не жалея сил и времени.

После несчастного случая с отцом ему пришлось помогать матери. Сначала дома по хозяйству, затем стал подрабатывать покупая-перепродавая мелочёвку. Постепенно он почувствовал вкус к торговле. Может, греческие гены привели к ней... Недаром греки первыми обзавелись богом торговли Гермесом, им и карты в руки, как говорится. Как бы там ни было, но честность и выполнение обещанного слова привлекли к нему клиентов. Деньги, от удачно проведённых

сделок, расширяли его коммерческий горизонт, на котором появлялись новые связи, знакомства. Ему нравился процесс деньги-товар-деньги. Старый как мир обмен не требовал особых знаний, но приносил сиюминутную пользу – сравнительный достаток и тихую радость от собственной смекалки. Дважды Кир пытался поступить в торговый институт, но оба раза вышла осечка. То ли знаний не хватило, то ли знакомств нужных не нашлось, парень махнул рукой на институт, продолжая заниматься мелкой коммерцией. Он и Алекс женились, родились дети, жизнь постепенно налаживалась.

Медея училась быть не только женой, а родственницей и подругой тем, с кем свела её судьба. Она так же, как жёны деверей готовила, накрывала на стол, выполняла работу по дому. Будучи общительной, она легко влилась в семью, понимая, что многое в отношениях с новыми родственниками зависит от неё самой. Случались вначале некоторые стычки с мамами детей, которых она, в силу характера своей работы, пыталась оградить от ушибов во время их буйных забав. Женщины ревностно приняли замечания новоиспечённой невестки, посмевавшей несколько раз сделать детям замечания. Но когда однажды сынок Софьи и Кира свалился под натиском других детей во время игры и сломал ногу, именно Медея взяла на себя заботу о лечении малыша, и её искреннее участие растопило ледок, появившийся в начале их отношений. Невнимательным мамам влетело от мужей за то,

что они не углядели за детьми. После этого случая Софья и Афина расслабились в отношении к невестке, сделав вывод – она своя. Не предаст, не подставит, не обвинит понапрасну. Воцарился мир. Янис светился. Что нужно мужчина для счастья? Работа. Любимая жена. Дети. Хорошие друзья. Понимание. Всё есть. Дети... скоро будут, об этом свидетельствовал округлившийся животик жены.

Первой родилась Элен. Жанна снова вздохнула. Какие сладкие воспоминания... Как глоток живительного воздуха! Вот она красавица, стоит в больничном коридоре с трепетом ожидая конца операции. Жанна помогала дочери её вырастить. С какой любовью она возилась с малышкой! Забота и уход за ней тогда возвращали её в молодость, когда она, не имея опыта, растила собственных детей – своего рода дежавю. Ох, кажется она повторяется. Что это с ней? Нервы совсем сдают. Третий час уже, никто не выходит. Что происходит за массивными дверями, сил нет ждать...

Жанна ещё два дня назад находилась в своём доме в Тбилиси, когда раздался звонок.

– Мама, это я, Медея. Как вы, мамочка? Мне плохо...

– Что случилось? – голос женщины дрогнул. Дмитрий Иванович тревожно взглянул на жену.

– Мамочка, если можешь, приезжай, меня укладывают в больницу.

– Я приеду, что случилось?

– Сама не знаю, приезжай, – слова потонули в плаче. Отбой.

Муж заказал билет, помог ей собраться, проводил на следующий день в аэропорт и пообещал прилететь, как только позволит работа. И вот она сидит в клинике, оснащённой по последнему слову медицины. Всё здесь есть, чтобы помочь её девочке.

Внезапно массивная дверь бесшумно открылась. Люди в хирургических халатах один за другим выходили из операционной. Жанна, Янис с тревогой вглядывались в лица врачей.

Они выглядели уставшими, но напряжения во взглядах не проскальзывало. Жанне даже послышался смешок... Один из них улыбнулся и сказал Янису, что операция прошла удачно, и можно отдыхать: «Не волнуйтесь. Сейчас она спит.» Сразу стало легче дышать. От долгого сидения у Жанны отекали ноги. Услышав радостную весть, она привсталала, но потеряв равновесие, качнулась в сторону. Элен обняла её:

– Устала, ты, ба, поедem домой, отдохнешь.

– Раз мама спит, можно... – согласилась Жанна. Отдохнуть не мешало каждому из них.

На время учебы дочери Янис арендовал квартиру в Салониках. Семья жила в Касторье, небольшом городке на северо-западе страны на берегах горного озера Орестиада. Тра-

тить время на дорогу не имело смысла, поэтому решили отправиться к Элен.

Глава третья

Спит? Или просыпается? Медсестра Рита вглядывается в больную. Действие наркоза постепенно подходит к концу, и маленький промежуток времени, когда человек не здесь и не там – на острие грани между тьмой и светом – прямо скажем, тревожный непредсказуемостью промежуток – опасен. Человек – существо уязвимое, несмотря на современные достижения медицины. Он может не выйти из наркоза, не открыть глаза, не осознавая своего критического состояния, когда надо бороться за жизнь...

Сестра уверена, что больной понравились бы мягкие лучи солнца, разливающие тёплый свет по пространству реанимационной палаты. Ненавязчивое солнце любят все больные – оно придаёт силы. А весёлые солнечные блики, прыгающие по аппаратуре яркими цветами радуги – настроение. Обительница палаты пока не видит игру солнца, но у неё всё впереди, считает медсестра и, словно заклинание, произносит имя Медеи с интервалом в секунду, вызывая её из небытия к жизни. Молящие глаза родственников больной неотрывно смотрят на Риту из-за толстого стекла раздвижной двери, отделяющей палату от коридора.

Слышится глухой отрывистый вздох, дрогнули припухшие губы... Медленно, словно преодолевая многопудовое

сопротивление, приподнялись веки, да и только. Янис, дочь и Жанна каждый по-своему представили оцепенение, в котором пребывала больная, однако в общем понятно – оно не позволяло ни малейшего движения, не давая скованным векам открыть глаза. Её мозг по-прежнему в состоянии сна под медикаментозным воздействием. Бледное лицо исказилось судорогой пробуждения... Медленно, будто из преисподней женщина возвращалась к себе, нащупывая подсознание сквозь лабиринты нейронов. Она пытается что-то прошептать, сестра уловила это слово, подзывая Жанну ближе: «Вас зовёт».

– Ма... – выдохнула Медея и замолчала. Жанна наклонилась над дочерью, но увы... Та слегка пошевелила пальцами, приветствуя родных, давая понять, что ей трудно говорить.

– Вам лучше покинуть палату, – сказала сестра, – она будет спать, слаба ещё...

– Я отвезу вас домой, – предложил женщинам Янис. – Она пытается выйти из наркоза, но ей не удаётся – необходимо поспать, набраться сил.

– Моё место здесь, – обнадежила сестра, видя колебание Жанны, – не беспокойтесь, не отойду от неё ни на шаг.

– Может, маме что-нибудь нужно? – предположила Элен, – пить?..

– Нет, нет, сегодня ничего, – заверила медсестра. Её бодрый и решительный голос немного успокоил родственников... Поблагодарив женщину, все вышли из палаты.

Отвезя тещу и дочь домой, Янис вышел в город. Он шёл не разбирая дороги, только крепко сжимал в руке мобильник. Вдруг Рита позвонит...

Целую неделю он жил в напряжении. Вдохнул, а выдохнуть не успел. Словно забыл. Внезапная болезнь жены и, как следствие, переживания последних дней опустошили его. При Медее он держался, чтобы не расстраивать её. Хотя, куда больше...

Широким энергичным шагом Ян проходил улицу за улицей. Он нарочно шёл пешком по любимому городу, надеясь отвлечься. Однако сразу понял, что никакие достопримечательности не могут даже на время отвлечь от тяжёлых мыслей.

Ему и жене этот уютный зелёный город понравился сразу, как только они приехали в Грецию. Любовь македонского царя Кассандра к прекрасной Фессалонике, в честь которой был назван город, вызвала интерес молодой четы не только

к романтической истории, послужившей поводом к созданию поселения, но и к самой стране, которую они для себя постепенно открывали.

Без Медеи ему не до красот. Назло его памяти, отбрасывающей те счастливые мгновения прочь, кожа, глаза, руки возвращали ощущения, когда они дурачились в первый раз гуляя по набережной и изображали из себя царственных особ, оставивших зримый след на земле. Целовались, обнимались, смеялись и задавались вопросом, так ли хорошо было той влюблённой парочке много веков назад как им?

Сейчас другая реальность и другое настроение. Краем глаз он видел то тут, то там скопление людей. В последнее время в Греции всё отчетливее слышатся голоса недовольных политикой властей. Люди требуют социальной справедливости, в частности, увеличения зарплат.

Особенно активны работники бюджетной сферы. Выходя на улицы и площади городов, они призывают других присоединиться к ним, требуя улучшения условий жизни. Особых приглашений никто не ждёт; ущемлённые в правах современные греки любят выражать посредством забастовок и митингов своё недовольство. Свободолюбие у них в крови -отнять у грека право на демонстрацию равносильно ампутированию души.

Янис усмехнулся – о их душе никто не заботился, когда

миллионы людей оказались выброшенными из жизни. Горькие мысли навевали воспоминания о череде споров со старшим братом Алексом в длинные свободные вечера.

Темой дискуссий всегда была причина развала страны, из которой они вынужденно уехали в поисках лучшей жизни. Алекс не политик, однако как любой мужчина, интересующийся современными процессами в мире, имел своё мнение и настаивал на нём, приводя, как ему казалось, неопровержимые доводы и факты. Ян с интересом слушал брата и, в свою очередь, высказывал мнение, не совпадающее с мнением Алекса. Слово за слово они распалялись, доходя до хрипоты, а порой до стычек.

– Ты пойми, злился старший брат, – долгие десятилетия Союз стоял поперёк горла американцам; они только и мечтали увидеть его кончину. Но сначала они пытались захватить страну руками Гитлера... Не получилось! – он продемонстрировал фигуру из трёх пальцев.

Воспользовавшись паузой Ян вставил:

– А я убеждён – это дело рук чиновников-бюрократов... Брат кипятился:

– Да ты вспомни годы холодной войны... Всё было неспроста. Когда поняли, что не так легко свалить Союз, решили путём длительных мероприятий подобраться... Жда-

ли, чтобы главный пост в стране занял человек лояльный к Америке...

– Зачем же им ждать такого человека, когда внутри их было до чёртиков, – парировал Ян.

– Доходы армии чиновников к тому времени достигли своего максимума, вот и решили развалить одно государство, чтобы возникло пятнадцать. Для прокорма этих паразитов потребовалось не менее чем пятнадцатикратное увеличение налогов. О народе как не думали, так и не думают. – Они по-прежнему у руля, а народ где?

Алекс стоял на своём:

– Если бы не деятель с отметиной на лбу со своей «перестройкой,» американцам не видать лелеемой мечты. Он, гад, разрушил страну изнутри своими «реформами»...

Они так расходились, что на шум прибежали жёны, стараясь их умирить. Подобные споры возникали часто, но оба сходились в одном: республики кроме нищеты ничего не обрели – обещанная демократия пока махала крылом где-то вдалеке...

Вначале эйфория от непонятной по притягательности независимости вскружила всем головы, какое-то время люди

не осознавали, чем это может закончиться для них. А когда стали закрываться заводы, фабрики, работников увольняли отовсюду – промышленность и экономика разваливались как домики из песка – все очнулись, прозрели и поняли: с ними обошлись жестоко. От кого независимость, от чего? Без работы, зарплаты, еды, медицинской помощи, образования – хороша независимость...

Повсеместное разрушение происходило у них на глазах. С поразительной быстротой. В Тбилиси – нищета и разгул преступности. Завод, на котором трудился Алекс закрылся, в том числе из-за отсутствия сырья, поставляемого из других республик. Стоматологическая клиника, где практиковал Ян, почти не функционировала – государство отныне не в состоянии оплачивать ни медицинские услуги своим гражданам, ни труд работников. Во всех сферах жизнедеятельности наступил полный раздрай. Над самой жизнью нависла угроза.

Однажды вечером, за ужином, Кир объявил о своём отъезде. Зина от неожиданности поперхнулась:

– Кир, ты серьёзно?

– Да, мама, надо ехать, скоро детям нечего будет кушать...

– Но что ты там будешь делать? Её круглые глаза ещё боль-

ше округлились. Натруженные руки со сплетёнными пальцами замерли на животе, как две большие птицы.

– Пока не знаю. Люди уезжают, кто куда. Поеду в Москву, большой город, может что подвернётся... Найду работу – хорошо, нет – что-нибудь придумаю...

Янис и Алекс напряглись. Они с детства привыкли смотреть на старшего брата как на вожака, с чьим словом следует считаться и знали, если он что решил, лучше молча соглашаться. С другой стороны, сами прекрасно понимали, что-то следует предпринять. Негоже сидеть сложа руки, семья большая.

Из троих именно Кир обладал деловой хваткой и практической сметливостью. Выросший на улице среди сорванцов, часто устраивающих потасовки, наукой управлять дворовыми ссорами и следующего за ними в обязательном порядке примирением овладел блестяще. Его становление происходило на глазах у братьев. Несмотря на отсутствие образования, он со смелостью, которой обладал с детства, мог подать и реализовать идею выхода из ситуации. Поэтому не стали отговаривать или спорить, проблема слишком очевидна. Ян рискнул спросить: «Меня заберёшь с собой?»

– Нет. Посмотрю что и как... Там видно будет. У вас и здесь забот хватит. Маму берегите, хватит ей работать...

– Нет, Кир, вот это нет, – решительно возразила Зина. Вот это не надо! – голос её зазвенел, запротестовал. Эта женщина всю жизнь вкалывала, стараясь вырастить детей порядочными людьми. Работа, в свою очередь, держит её в напряжении и тонусе, не даёт расслабиться, хотя во возрасту давно пора на отдых. Но какой отдых в такое суетное время... И дети это понимали и старались не давить, только иногда вежливо напоминали стареющей матери, что они у неё есть.

– Хорошо, ма, как хочешь, – согласился сын, – за детьми смотрите. – Он бросил внимательный взгляд на свою жену, потом на жену Алекса, а Медее просто подмигнул.

Приняв решение уехать знал, что сделает всё, чтобы семья была с ним, так как чувствовал ответственность за них. Эта ответственность вошла в его плоть и кровь после смерти отца, когда он вдруг почувствовал себя мужчиной, главой семьи.

– Давайте выпьем, пожелайте мне удачи, – произнёс, разливая терпкое красное вино по бокалам. После ужина братья обсуждали детали поездки.

Женщины разошлись по своим спальням, скрывая печаль в глазах. Кто мог подумать, чем обернётся пресловутая пе-

рестройка, а с нею ускорение и гласность?

Гуляя Ян оказался у парка, перед входом которого группа молодых людей митинговала, размахивая плакатами. Немного послушав выступающих, он продолжил путь. Всё повторяется, всё повторяется... Теперь здесь... А как хорошо было вначале. После разрушенной, разоренной Грузии Греция показалась им раем, как когда-то их родина. Грузия – одна из красивейших республик бывшего Союза с достойным уровнем жизни, с работой для каждого. Отлынивающих от труда днём с огнём сыскать, да и тунеядство в советское время – неслыханное дело...

К жене в больницу он приехал вечером. Медея не спала.

– Я уж думала вы забыли обо мне, – пошутила, пытаясь улыбнуться.

– Нет, милая, мы с тобой, – поцелует успокоил жену, глядя в глаза, – как ты, чуть-чуть пришла в себя?

– Чуть-чуть – да, но слабость...

– Терпи, всё пройдет, ты же знаешь...

– Да, наверное.

– Сил наберешься, обо всём забудешь...

– Твоими устами мёд бы пить... она улыбнулась как-то неуверенно.

Янис вздохнул незаметно для жены. Поцеловал, провел с нежностью рукой по волосам.

– Тебе надо выспаться, завтра придем все. – В кармане его пиджака зазвонил телефон... Кир.

– Я сейчас выхожу от Деи, перезвоню, – ответил Ян. Он наклонился к жене, поцеловал ещё разок, шутливо подмигнул – не шали, жди нас.

– Буду ждать, приходите, – так же в тон произнесла она, – всем привет. Женщина проводила мужа взглядом от которого, если бы он заметил – содрогнулся. И никуда б не ушёл... Глубокая печаль, превратившая её красивые серые глаза в два бездонных омута, сверкнула в последний миг перед тем, как она прикрыла веки.

Он позвал сестру, оставившую супругов одних, попрощался и вышел. Настроение его улучшилось. Янис мечтал об одном, чтобы Дея поправилась. Всё остальное у него есть – работа, дети, друзья, понимание...

Глава четвертая

Москва – город поразительных масштабов. На одной из многочисленных торговых площадок города обосновался и офис Кира, арендующего несколько магазинов, расположенных на разных уровнях респектабельного центра.

У него отдельный кабинет, куда он приходит каждый день и проводит в нём почти всё время.

Кабинет маленький, но в нём есть всё, что нужно человеку для работы – никаких излишеств. Стол, телефоны, чашечка с ароматным чёрным кофе...

Рабочие помещения на нулевом этаже – в одном отсеке сидят бухгалтеры и экономист, в другом – работники по приёму, оформлению и распределению товара по павильонам. Да, и ещё – в дальнем закутке ютится Вера, скорняк, мастер по подгонке шуб, если таковая потребуется. К примеру, покупательнице необходимо подшить рукава или укоротить шубку – Вера сделает эту работу быстро и качественно. Всё продумано. Характер у Веры паршивый, стервозный, так и норовит натравить работающих женщин друг на дружку, но Кир терпит: мастерица опытная. И держит её под присмотром, чтоб длинным языком клиентов не отпугивала...

Мужчина ждёт обещанного звонка. Болезнь невестки резко выбила его из привычного ритма, однако справедливо-

сти ради надо признать, что сделать это довольно трудно. Ему нравилась Дея – трудолюбивая и преданная, на неё всегда можно положиться. Ответственность в людях Кир ценил больше всего; Дея же не позволяла себе несерьёзного подхода к делу.

С того памятного дня, когда он выехал из родного города, прошло более двадцати лет. А памятный он потому, что именно в тот день, накануне отъезда, три брата дали себе и друг другу зарок, что их семьи никогда не будут жить в нужде и оскорбительной нищете.

Конечно, клятва как таковая не была произнесена, но, прощаясь, они вспомнили давно забытую из детства фигуру, к которой прибегали не раз, когда связка троих помогала выпутаться из каверзных детских разборок. То ли из книг они взяли, то ли из фильмов, то ли сами придумали – три брата, касаясь плеча друг друга, замкнули цепь, давая обет единения. Кир улыбнулся вспомнив, как они втроём, как в кавказском танце, образуя круг, стояли с серьёзными лицами перед смеющимися детьми... Помнят ли они...

Двадцать лет... А пролетели стрелой... Маленький кабинет огласился вздохом. Вздохом взрослого уставшего человека...

Внешне Кир изменился, растолстел, немного обрюзг. Его широкое белое лицо с покатым высоким лбом и выпуклы-

ми под ним голубыми глазами выражали ту же уверенность и решительность, что много лет назад. По его подвижной, несмотря на полноту фигуры, находящейся в непрерывном движении, можно судить о неуёмном темпераменте. Благодаря темпераменту – без стартового капитала, без влиятельных родственников – он добился успеха. И ещё – чувству собственного достоинства. Это чувство сидит в каждом греке, независимо от места рождения или проживания; оно может заставить его подняться над обстоятельствами. Сокровенная мечта любого греческого мужчины – разбогатеть не шевельнув пальцем. И безудержно тратить на удовольствия, оправдывая расточительность тем, что живёшь один раз. Но это в теории. Так уж они устроены... Как бы то ни было всегда найдётся исключение из правила. Кир не разделял бесшабашного стремления к праздной жизни. Несытое детство научило его отличать зёрна от плевел. Вредное в его понимании – это бездействие; полезное – труд. И никому не удавалось убедить его в обратном.

Двадцать лет... Он прилетел в Москву без гроша в кармане. Дальние родственники приютили на несколько дней. Что делать человеку, если он ставит перед собой цель, но не имеет необходимых рычагов, чтобы начать действовать? Да, у себя поднаторел в купле-продаже, но здесь... без образования, без значительных связей... Одна дорога – к торговому люду, коим первопрестольная переполнена до отказа.

Поспрашивал, набрал необходимые сведения, и айда на Черкизовский рынок. Размеры огромного торжища поразили. На территории в двести гектаров на хлеб насущный зарабатывали более ста тысяч человек. Так неужели для него места не найдется?

«Черкизон», меткий прикол из смеси французского с воронежским, завоевать оказалось совсем не просто. Возникший в начале 90-х годов прошлого века, вещевой рынок стал самым крупным предприятием в мире, на котором торговали люди, причем подавляющее большинство не имели российского гражданства. Работали на нём в основном китайцы, вьетнамцы, кавказцы, да и русские не брезговали. Разные языки, разрезы глаз, мелькание лиц и волос богатой цветовой палитры – мир в миниатюре.

Он несколько дней бродил по рынку, изучая обстановку. На что смотреть... глаза разбегаются... Лотки с китайским ширпотребом, выставленным под мировыми брендами Гуччи, Сен-Лорана, Босса и Версаче под вонючие запахи шашлычных привлекали сюда свыше миллиона посетителей, которые приносили торговцам около миллиона долларов каждый день.

Полубезумные взгляды москвичей и жителей ближайших областей, ошалевших от невиданного количества и разно-

образия товара, скакали с одного лотка на другой в поисках нужной вещи. Всё так дёшево, за копейки... и совсем не важно, что от вещей пахнет тленом, будто одежду и часы сняли с покойников. Эйфория, азарт, и даже гордость охватывали каждого покупателя, попавшего на территорию внезапного рая, вызывающего неудержимый покупательский зуд...

Микс современного вавилонского столпотворения с содомом и гоморрой, порождающие неразбериху, хаос, алчность, извращения человеческого социума, в котором на продажу выставлены не только товары, но и люди – души, тела, сердца – их надежда, удовольствие, время – да, и в этом бедламе толпы людей, кидающиеся от лотка к лотку в жадном поиске воображаемого достатка и иллюзорности утраченного изобилия – а было ли оно? – жертвуя бесценным временем и деньгами.

Потолкавшись недели две среди продавцов и покупателей, Кир обзавёлся нужной информацией и знакомством с полезными людьми, и даже встретил бывших земляков. Старая истина не подвела и на сей раз – мир тесен! Эти люди свели его с теми, кто решал, дать точку на рынке или отказать. Уломать, доказать свою лояльность, понравиться – это при том, что аренда торговой точки превышала ставки в самых дорогих центрах Москвы – стоило немалого труда и усилий. Плюс его хваткость – льётся из глаз и ушей – цепкий

взгляд, острый слух. Да ещё «обаяние» соискателя – умение втереться в доверие... Все эти качества и нужные люди, заверившие «хозяина» в его благонадёжности, сыграли Киру на руку. Вскоре он, получив своё место под солнцем, торговал не хуже других.

В дальнейшем вспоминая об этом периоде своей жизни, он назовет Черкизон *alma mater*, преподавшей ему неоценимый для выживания жестокий урок.

Вначале торговал мелким ширпотребом. Как-то подошел Заури, знакомый по тбилиским подворотням, оценил всю мелочь, разложенную на прилавке, крутанув огромными глазами слева-направо, сказал:

– Кир, так далеко не уедешь, чем аренду будешь платить в конце месяца?

– Вот думаю, чем бы серьёзным начать промышлять, – хмуря широкие светлые брови, отвечивал тот.

– Слушай, что я тебе скажу, – гортанный голос земляка отзывался сладостью в сердце Кира, соскучившегося по родному говору, – мы с Мариной торгуем шубами, я тебе несколько штук подброшу, попробуй. Моя цена – твоя накрутка... заработаешь, шубы хорошо идут...

– А с чего так расщедрился?

– А просто так! – Заури картинно развел руками, – приходи завтра, приготовлю, забирай, – отошел, вернулся, заговорщически наклонился к самому уху:

– Думаешь, могу забыть твою выручку в тёмные тбилисские ночи? Нет, друг, такое не забывается... Съедят здесь тебя в два счёта, если вовремя не расплатишься. Знаю их порядки...

– Гм, – усмехнулся Кир, – что ж, давай попробую, спасибо...

Земеля не пожадничал, шуб оказалось несколько: разных размеров, фасонов и качества. Марина, сестра Заури, рассказала о мехах, провела своеобразный мастер-класс о шубах из кролика, енота, бобра, написала цены, пожелав удачной торговли. Товар был китайский, но востребованный, благо цены не такие кусачие, как в магазинах, и вполне доступны для простых покупателей голодных девяностых.

Спустя годы Кир вспоминал, как благодаря Заури – с его ли легкой руки или доброй души – нашупал золотую жилу. Шубы стали для него своего рода Клондайком.

Очень скоро собственной продрогшей шкурой ощутил

важность товара для необъятной холодной России. Морозы стояли сильные – челюсть сводило. Спрос здесь как нигде – огромный. А когда однажды друг сказал: «Кир, ты же грек! Китайские шубы – хорошо, но не хочешь попробовать привозить их из Греции?» – он задумался. Думал коротко. Если идея нравилась, начинал действовать.

Срочно вызвал младшего брата в Москву. Янис к тому времени подумывал уйти из стоматологии – семью кормить нечем, услуги врача-стоматолога стали для большинства обедневшего городского населения независимой Грузии излишеством – поликлиника, можно сказать, дышала на ладан. Поэтому он с радостью откликнулся на зов брата, не подзревая, как изменится их с Деей жизнь. Оставив всю семью на попечении старшего брата Алекса, улетел.

Москву Ян любил. Студенческие годы, проведенные в ней, помимо профессии, связывали его с людьми. Поэтому летел в город юности, а, значит, и приключений с особым удовольствием, надеясь встретиться с бывшими однокурсниками. Но не тут-то было! Брат, со свойственной ему мёртвой хваткой, вцепился в Яниса и долго не отпускал.

Сначала расспрашивал о семье, интересуясь о каждом в отдельности. Немалый срок – два года не видеть своих, поэтому спрашивал основательно. Потом с такой же основательностью рассказывал сам о своей работе, вспоминая удачи-неудачи, которые с ним происходили. Наконец, дошёл

до сути: почему он вызвал его:

– Полетишь в Грецию, – без всякого предисловия, упираясь в брата жестким взглядом синих глаз заявил Кир.

– Куда? Зачем? Я там никогда не был...

– Вот и хорошо, пора.

– Что задумал, Кир? И почему раньше не сказал, я мог бы из Тбилиси...

– Нет, не мог... во-первых, из Москвы charterным рейсом полетишь, во-вторых, кое с кем познакомлю, чтобы знать с кем встретиться и что говорить в Греции. Бычий взгляд... глаза навывкате, смотрят прямо в душу... – И прошу, отнесись серьёзно к делу. Сам не могу лететь, так как боюсь потерять точку, только зевни – всё пропадет, а нам надо зарабатывать, дальше раскрутиться. И ты мне в этом поможешь, твоя дотошность зубного врача как нельзя кстати, лучшего помощника не найти. – Произносил слова, словно чеканил, не давая брату что-либо возразить или вставить. – «Наверно, всё заранее обдумал как и что», – думал Янис.

А Кир мерил уверенными шагами маленькую каморку, где спал, ежемесячно оплачивая и убогий закуток на территории рынка, и прилавков, за которым торговал. В вылинявших

джинсах турецкого пошива и в такой же неприглядной футболке... Он не сетовал на судьбу, твёрдо зная, что добьётся своего. У него постепенно вырисовывался план действий, если неукоснительно следовать этому плану, он вырвет семью из нищеты. Самому приходилось экономить на многом. Не тратил деньги попусту, как делали многие, например, Заури и другие знакомые ребята... Всё, что зарабатывал, вкладывал в дело, каждый раз закупая больше товара и соответственно получая больше прибыли.

Он снабдил брата деньгами, билетами туда и обратно, адресами, именами, объяснил детально, как действовать. Сам же был уверен на все сто, что получится... не может не получиться, столько лишений и ограничений должно вознаградиться. Какие труды, такие будут и плоды. В это он верил.

А какие заморочки Кир перенёс и перетерпел – известно только ему, зачем посвящать в это родных, не в его характере ныть, вызывая жалость... глупости всё это.

Нахлынувшие воспоминания прервал звонок Яна. Вот что сейчас волновало его – здоровье Деи. Только бы все обошлось...

Бодрый голос младшего брата обрадовал его:

– Да, все нормально? Да, честно, не врёшь? – с напором переспрашивал он.

– На этот момент – всё хорошо, дальше посмотрим...

– Поцелуй от меня, пусть держится, – громко подбадривал Кир, ему казалось, что решительный тон его поможет и брату, и жене брата, – держи меня в курсе, если что надо – сообщи, я на связи, и сам держись, всё будет хорошо... Да, как там с последней партией, отправил Алекс?

– Как всегда, об этом не думай. Я не присутствовал, сам понимаешь, но он сказал, что вовремя отправил товар...

– Окей, давай... – и брат отключился.

Глава пятая

То, что это утро, она почувствовала сразу.

Бесконечное картофельное поле, по которому следовала вприпрыжку за дедом, стараясь не отставать и в точности повторять его движения, вывалилось из детской памяти впервые и неожиданно. Ей даже показалось, что руки, которыми она некогда доставала из земли клубни картофеля, сейчас по локоть вымазаны грязью влажной почвы, как бывало, когда она, пятилетней девчушкой выходила со взрослыми в поле. На лето родители привозили её в Цалку, где Дечка с другими детьми наслаждалась деревенской жизнью, не подозревая, что когда-нибудь эти воспоминания нахлынув, выведут её из болезненного состояния, отодвинут темноту и помогут пересечь грань небытия. Несколько раз она открыла и закрыла глаза, освобождая их от навязчивой нависшей пелены, и, когда размытые очертания предметов стали приобретать чёткие контуры, окончательно открыла их. Поближе поднесла руки и увидев их сияющую чистоту, слабо улыбнулась. Приснится же...

Наконец увидела палату, залитую солнечным светом, и тихая радость, войдя в измученное тело, стянутое панцирем боли, заполнила, захлестнула, пропитала энергией её клетки. Женщина улыбнулась утреннему свету, про се-

бя оценивая новизну ощущений от пробуждения. Попытка потянуться, расправить конечности вызвала сильную боль. Тут же покрылась бледностью, слабость накатила волной, смывая крупички только что обрётённой силы...

Сестра, следившая за больной, покачала головой: – Нет, не надо. Пока рано, милая.

– Так захотелось потянуться, – хриловатым шёпотом выдохнула Дея.

– Рано ещё, не торопите события, – ловкими движениями рук медсестра принялась приводить больную в порядок.

Ласково приговаривая, что «всё будет хорошо,» мягко протерла лицо и руки больной влажной салфеткой, убрала с живота пузырь со льдом, проверив повязку на шве, слегка приподняла изголовье кровати, чтобы было удобно лежать, и только после всех манипуляций сообщила, что звонил муж, интересовался и пообещал скоро подъехать.

– Хорошо, я так немного полежу, с приподнятой головой.

– Полежите, завтра начнём потихоньку двигаться. Залёживаться не дам...

Медея усмехнулась, прикрыв глаза погрузилась в раз-

мышления. Её мучил вопрос – что у неё? Врачи в открытую не произносят диагноза. Когда она рассказала о симптомах и ей провели тщательное обследование, консилиум врачей рекомендовал в срочном порядке ложиться на операцию. Тогда ей объяснили, что обнаружена доброкачественная опухоль в виде полипов на тонкой кишке. Отсюда потеря в весе, тошнота, слабость... Ужас охватил в ту минуту, но не будучи размазнёй она пыталась взять себя в руки.

Теперь, когда операция позади, она может трезво, без паники и волнения оценить ситуацию. Ей сделана частичная резекция тонкой кишки. Сделана традиционным способом – открытым надрезом. Всю операцию и мучения послеоперационной терапии она ясно представляла и исподволь настраивала себя на терпение и выдержку.

Другого пути не было. С этим понятно! Дея знала, что должна пройти реабилитацию и постараться избежать осложнений, вызывающих послеоперационный сепсис и расстройства пищеварения. Она готова глотать растворы и питательные смеси сколько необходимо, но вот диагноз её волновал. Правду ли сказали врачи или слукавили, чтобы успокоить на время? Если у неё злокачественная опухоль – ей конец... Не сразу, нет... это она тоже знала, в мучениях, в боли, в постепенном угасании...

Перед глазами вдруг предстала Виктория, её тетя, сестра

отца. Последние дни жизни молодой женщины, умирающей от рака – мучительные, горькие, тягостные – окончились в их доме. Мама ухаживала за ней, делая всё, не по предписанию врачей, – их рекомендации уже были бесполезны, – а по велению сердца. Вика этого заслуживала, добрее человека она не встречала...

Воспоминания о смерти тёти вызвали у Деи слёзы. Неужели генетическая предрасположенность? А что если – да, ведь это действительно конец... От этих мыслей стало плохо. Противная внутренняя дрожь растеклась внутри, проступив на коже холодным потом... Она нажала на кнопку вызова. Появилась Рита. Её внимательный взгляд уловил состояние больной.

– Медея, нельзя волноваться, ты же знаешь... Что случилось?... Вот к тебе родные пришли...

– Мама, сядь поближе, – Дея проглотила подступивший к горлу ком и указала на стул рядом, – хочу спросить, чем болела Вика, я помню смутно...

– Успокойся, доченька, что ты её вспомнила, давно это было... – Янис переводил тревожный взгляд с жены на тещу, не понимая о чем речь.

– Она ведь тоже от рака умерла, моя тётя? Дея смотрела

на мать не мигая.

– Почему тоже. Больше никто не умирал...

– Но Вика! – от напряжения Дея покраснела.

– Успокойся, к тебе это не имеет отношения, у тебя нет онкологии, – Жанна говорила тихо, но уверенно.

– Почему ты так уверена? – Дея напряженно всматривалась в мать.

– У тебя отличные врачи, я им верю...

– Врачи могут ошибиться... могут скрыть...

– Хватит, довольно себя травить, Дея, давай сменим тему, – не выдержал до сих пор молчавший Янис.

Наклонившись к жене, привлёк, поцеловал в щёчку, – Не надо вспоминать плохое...

Пока он что-то нашептывал ей на ушко, Жанна тихо вышла в коридор. Она села у открытого окна, вдохнула свежего воздуха. Ныло сердце... Достав из сумочки таблетки валерьяны, забросила парочку в рот. Сказывалось волнение последних дней. Возраст не тот, здоровье не то... Вздохнула,

провела рукой по коротко стриженным волосам, словно пыталась привести в порядок спутанные мысли.

Что делать? – В который раз она спрашивала себя. Что она может сделать, чтобы помочь дочери преодолеть болезнь? И возможно ли это? Она ни в чем не уверена- ни в диагнозе, ни в Дее, ни в самой себе... А если болезнь наследственная, неужели её девочка обречена! Ужас, ужас! С ума можно сойти!

Муж звонил каждый день. Жанна в разговоре с ним старалась найти нужные слова, увиливая от прямых ответов о состоянии дочери. У него тоже со здоровьем не очень... Она надеялась, что ещё всё обойдется и Дея поправится, зачем раньше времени причинять страдания.

Дмитрий Иванович с выходом на пенсию наконец-то мог осуществить свою давнюю мечту. Он родился в Цалке, а Цалкский район – единственное в Грузии греческое административно-территориальное образование.

Подвергаясь в течение столетий религиозному и национальному притеснению, часть греков, проживающих в северо-восточных вилайетах Османской империи вынужденно отказывались от родного языка и приняли анатолийское наречие турецкого.

Но во все времена турецкий язык осознавался этими людьми как чужой, навязанный. Не владея греческим, они всё-таки признавали его родным, ввиду обострённого этни-

ческого самосознания и исторической ностальгии.

Вплоть до девятнадцатого века греки массово переселялись, оседая в грузинских сёлах. Отсюда тот странный факт, что практически все сёла Цалкинского района имеют турецкие названия.

Потомки людей, спасшихся от уничтожения, проживали в Цалке, расположенной в южной части Восточной Грузии на высокогорье, в Цалкинской долине и на Триалетском плато.

Под конец советского периода Цалкский район считался одним из самых продуктивных сельскохозяйственных районов Грузии, с высоким уровнем жизни. На плодородной почве люди работали охотно, самоотверженно, красиво. Результатами своего труда снабжали всю республику, развозя богатый урожай в большие города.

Греки говорили на турецком и русском языках – эдакое турко-русское двуязычие. На преобразованном, видоизменённом турецком, в котором большая часть заимствования из греческого, говорили между собой, но оказываясь в высоких сферах общались на русском. Особенно образованные люди. К достижениям мировой культуры, в том числе и к древнегреческой, греки района приобщались через русский язык. Этот процесс был обоюдным – знание языка позволяло цалкинцам поступать в высшие учебные заведения советских республик, а окончив их, естественно, общаться

на русском.

О греках, прославивших свой народ и край, которые добились почёта и уважения, давно замыслил писать Дмитрий Иванович. Предстояла большая работа по сбору материала, но его не останавливали трудности, напротив, он с энтузиазмом принялся за дело. Начал изучать греческий язык. И не только он. Советский диктат постепенно смягчался, и у людей появилась надежда на свободное передвижение, и чем чёрт не шутит, возможное возвращение на историческую родину.

Жанна сразу поддержала его начинания, и вызвалась править рукописные тексты мужа и редактировать первую книгу. Для филолога работа интересная, да и мужу помощь.

Дмитрий Иванович помощью жены не ограничился. Когда он работал, вокруг всё должно кипеть. Подключил детей, друзей, соседей... Отказаться невозможно. Помогали. Кто-с удовольствием, кто – без. Он не церемонился и не считался с чьим бы то ни было желанием, загружая всех работой.

Свои требования приправлял шутками-прибаутками, сглаживая недовольство от плохо выполненной работы весёлыми историями, но дело продвигал. Расскажет парочку анекдотов, а после, стерев с лица улыбку, серьёзным тоном укажет на недоделки: «Исправь, тебе не идёт небрежность»...

«Такой человек, – вздохнула Жанна, – неуёмный... Доби-

вается своего при любых обстоятельствах». Её мысли прервал Янис. Сообщил, что Дея уснула, и можно ехать. Они покинули больницу в молчании, но оба думали об одном и том же.

Глава шестая

Вечерело. Подсвеченные строения «падали» в тихие воды залива Термиакос и качались там убаюкиваемые лёгкой рябью, отражаясь косыми геометрическими фигурами в убранстве золотистых бликов.

Жанна любовалась Салониками из окна серебристого Mercedes-a, плавно катящим колёса по набережной. Ещё со времён Византийской империи, несмотря на длительное турецкое иго, в городе сохранилось огромное количество христианских храмов и монастырей.

Промелькнула Белая Башня – главная достопримечательность, поманил сокровищами истории знаменитый Археологический музей с уникальной экспозицией гробницы царя Македонии Филиппа Второго и экспонатами двухтысячелетней давности.

Кроме всего, ей хорошо известно, что из этого города вышли святые миссионеры Кирилл и Мефодий, неся славянам Балкан христианскую веру и греко-византийскую культуру, создав на основе греческого славянский алфавит, который используется по сей день.

Когда-то в далёкой молодости на ниве просвещения, на школьных уроках обучая детей азбуке, она и мечтать не могла о том, что каким-то образом окажется на священ-

ной земле. Советский режим не допускал вольности передвижений для своих граждан. Не то, что сейчас – гуляй не хочу, было бы желание и финансовые возможности.

Европа гуляла. Она не знала запретов, и всю пользувалась демократией. Город кишел туристами. Уличные кафе, рестораны, площади и улицы бурлили радостью вечерней жизни, не обременённой заботами; витрины сверкали под светом фонарей и собственной подсветки; песни гремели, перекрывая мелодиями одна другую; потоки людей дефилировали в противоположных направлениях, и среди них ни одного грустного лица, подавленного взгляда... Казалось, человечество совершает древний обряд, выплёскивая накопившуюся за трудовой день усталость...

В этом вселенском веселье Жанна особенно остро чувствовала обиду и боль за дочь. Она молчала, угнетённая, задавленная мрачными мыслями, и, чтобы как-то изменить тягостную обстановку, Янис предложил тёще выйти на площади Аристотеля попить кофе.

Они вошли в одно из кафе, уютное и не шумное, исключительно по той причине, что его посетителями были солидные взрослые люди. Тут же принесли большой запотевший графин с холодной водой. Эта греческая традиция ставить на столик графин с водой независимо от заказа, восхитила Жанну ещё в первый приезд в Грецию. Она с жадностью вы-

пила ледяной воды и огляделась.

Рассматривая посетителей кафе и смакуя вкус ароматного «эллинико», поданный в медных подстаканниках на медных блюдечках, чтобы кофе остывал медленнее, Жанна расслабилась. Греки знают толк во всём, что касается еды и питья... Янис говорил по мобильнику с братьями. Сначала он позвонил Киру, успокоив его, что у Медеи всё идет, как должно, затем позвонил в Касторью Алексу, который с нетерпением ждал известий.

Ждала известий и его жена Афина; обе женщины были очень близки. Жизнь в общем доме в Тбилиси и совместная забота о родных сделала их подругами. Да и в Кастории они почти не разлучались, помогая мужьям налаживать семейный бизнес, выступая в роли то секретарей, то консультантов.

Мужская хватка необходима в таком деле, но женская интуиция на определённых этапах работы оказывалась важнее деловых качеств.

Нередко жены подсказывали мужьям правильность подбора соответствующего товара, тем более, что товар, то есть шубы – одежда женская, поэтому присутствие Медеи и Афины в бизнесе стало необходимым, ценным, порой незаменимым..

– Скажи, что мы ждем её возвращения домой, – кричала

Афина в трубку, – пусть ни о чем не думает, пусть выздоравливает... – вибрирующий чересчур громкий голос доходил и до Жанны.

Разумеется, Алекс стоял рядом и согласно кивал в такт словам жены. Янис прекрасно знал, что они переживают за Дею. Их простые, искренние пожелания подбадривали, успокаивали... Да и на кого он мог опереться, если не на родных. Его боль – их боль.

– Обязательно передам, берегите себя. Как там мои сыновья?

– Всё хорошо, Ян, не волнуйся. Дети с нами...

– Спасибо, Афина, передай трубку Алексу.

Братья говорили о делах, а Жанна вспоминала дни, когда она с мужем провожала семью дочери в Грецию. Сколько тогда возникало вопросов... Но дорогу осилит идущий. Это она хорошо знала из своего опыта. И опыт помогал отвечать на поступающие вопросы сообразно сделанным шагам. У молодых один лозунг – жить сегодняшним днём. С экранов телевизоров, из модных журналов детям внушают эту мысль, словно мантру. Чушь, одни слова... Забыть своё прошлое для неё – значит отказаться от части жизни. Это невозможно. Человеческая память работает таким образом, что всё хорошее и плохое откладывается в ней и никакими заклинаниями, советами, пожеланиями её не зачеркнуть. Глав-

ное не впадать в крайность и не сюсюкаться с прошлым.

Она любила свою молодость, но вернуть её невозможно, и сравнивать прошедшую жизнь с настоящей глупо. Все-му свое время. Молодость с её энергией, силой, красотой – пройденный для неё этап. Но оставивший глубокий след на внешности и характере. В глубине личного мироздания она хранила облик молодой, романтической особы, какой помнят её ровесники, и какой она ощущала себя. Этот яркий сильный образ сопровождал уже пожилую женщину и придавал ей уверенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.